

Поэтическая серия
«Объявленная ценность»

Формаслов

Москва

2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ю16

Ю16 Юдина Яна

Бесперечь / Я. Юдина. — Поэтическая серия «Объявленная ценность». — М.: Формаслов, 2020. — 64 с.

ISBN 978-5-521-15822-5

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей

Это не просто книга стихотворений. Это книга движения. Что такое «Бесперечь»? То, что не прекращается.

Яна Юдина предлагает три поэтические трактовки этого слова: сказки-архетипы, род по женской линии, бегство в невозможное, с оглядкой. Стихи-платья вздуваются на воде птичьими спинами, детский след на снегу становится психологической загадкой, кошка выпускает когти напрямую в сон.

В книгу вошли стихи с 2018 по 2020 год.

ISBN 978-5-521-15822-5

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Я. Юдина, текст, 2020

© В. Кулачикова, иллюстрации, 2020

© С. Овакимян, дизайн обложки, 2020

© Формаслов, 2020

Я
Н
А

Ю
Д
И
Н
А

БЕСПЕРЕЧЬ

**З
Е
Л
Ё
Н
Ы
Й**

**Б
У
Б
Е
Н**

Эвой, сигеньи! Камни могут быть живыми, если я доверяю иллюзии.

Что такое бесперечь — это сказка? Договорённость: «Я говорю и знаю, что это неправда. Ты слушаешь, и знаешь, что это ложь. Неправда привлекательна, она нам нравится».

Странно, но самое пронзительное ощущение реальности возникает тогда, когда мы добавляем в неё фантазию. Реальность по определению незавершённа — всегда есть что-то, чего я не знаю, позиция, с которой не способна посмотреть. Завершённость возможна благодаря выдумке.

Вижу, что дом сгорает, но остаюсь в нём.

Золушка поднимает юбки,
Опускается на колени — и трещина по земле,
Это орешник вырос,
Ягоды будто кровь корриайе.

Мамочка любит меня, мне тревожно,
Мне б ускользнуть и забраться на голубятню,
Будь, говорит, доброй, а я не умею,
Стану просить птиц-полнокровок.

Эвой, сигеньи, выключой глаза им,
Пусть ничего не увидят.
Эйарра, пусть не умрут звериимья,
Только ослепнут навечно.

Красный орешник,
Кто-то отрежет пятку, а кто-то палец,
Говоришь, дерево то — пластмасса?
Ну и что, буду ему молиться.

Счастье моё, пуэртале,
Если оэтилай истинна, корта,
Вот тогда я, может быть, и надену
Платье с лентами, башмачки, серёжки.

ЯНА ЮДИНА

Праздник. У дома многоподъездного дочка царёва,
снежные копыя, зарёвана.

Ёлка за домом многоэтажным — символом воткнута,
«Волки, волки!», воеет кто-то.

1.

Не смотри на костры, говорила она,
подоткнув под меня одеяло,
проверяла ладонью висок
и вилась кругом будто лисица.

В умывальнике в полночь большая луна
норовила за край перелиться.

Не кивай на восток, это мало ли кто,
не нужна их судьба на распробу,
разве там, а не тут.

Страшно тени идут,
а умыла с утра освещённой водой —
за луной не увидела пробку.

2.

По-заячьи искры бегут, и зигзаг
переходит в пунктир. И от грыжи
согнувшийся дом, где сгорает чердак,
рассыпается крыша —
держит выцветшие по летам
вверх-смотрящие балки сырые.

Я на землю смотрю и под землю, а там
жгут костры, и костры, и костры, и...

Валуну, чья гладкая шкура
Спёкшейся кровью подбита,
Осторожные лисы молились,
Жаловались еле слышно.

А оживший от ласки камень
Потому равнодушным казался,
Что боялся запутаться в просьбах,
Тихих лис боялся немного.

Так покрывали одежду
почки сосновые, крошево,
иглы сосновые между
рёбер подошв.

Там я бродила долго,
следом тащился волоком
снег — но и снег был пологом,
стыд — но и стыд был волком.

Ну и кого мне просить: запрети,
не подпускай, обругай?
Запахи будут заповеди:
сосны, лучи, снега.

Что же случилось в доме?
Отблеском в чашке забрезжило,
в чае чайники, кроме
крошева снежного.

Зимний пляж, навесы, расшатанное бытё,
Где судьба большая снова взяла своё,
Окатила, смяла, с балкона смела бельё,
Растеряла либо.

Вот вода большая, глянешь кругом — везде
Мокнут платья птичьими спинами на воде,
В рукавах песок и камушки на животе
Не пускают в небо.

Так и я, носимая, разного набралась,
Что волна подбрасывает, озлясь,
Вот ракушка, водоросли, морская грязь,
Ничего не лишне.

Унесу ли, справлюсь ли, не смогу?
Море мешкает и отводит к себе строку,
Платье мокрой птицей ластится к сапогу,
Не поёт, не слышно.

В городе курортном знобко,
К морю бы навеселе.
Дева каменная звонко
Славит память о весле,

Покрывается лебяжьим
Щуплым мёртвым холодком.
Хор медузий: вяжем, вяжем,
Моря пену молоком.

Пир ли, мор у башни ближней,
Сор ракушечный вблизи.
Я ли в башне, мне ли страшно,
Что ступня по льду скользит.

Дева каменная птицей
Исчезает, такова.
Ей — медузы спицы, пирсы —
Вязаные рукава.

Чайки спорят: пир ли, мор ли,
Волны связаны верней,
Где медузы марлей вмёрзли,
Проймы белые дверей.

Я иду не собой, любой,
И тропа вихляет, змея,
Ветка-косточка не хрустит,
Шаг-душа говорит с землёй.

Для чего мне твой хрупкий наст —
Так душа говорит земле,
А на что мне твой хрупкий шаг —
Отвечает душе земля.

Где отмалчивалась душа,
Где земле был обещан шаг,
В упоении птенчик в лесу
Обнажает свинцовый язык.

И змея раскрывает пасть,
Но птенец открывает рот,
Заревая земля, перелом,
Больно носится песня над.

Там, где речка-осечка,
Ветви рукастые, мимы,
Мельтешит поплавок на воде,
Будто взгляд: подождёт и отскочит.

Ты же добрый бездельник?
А в речке блесна недвижима.
Подмигнёшь и замедлишься на
Повороте, наклоне и прочем.

Собирая к травинке травинку,
Разные стрелы,
Вспоминая хлеб и рубаху
Из самого солнца.

Принимая на веру простое
Волнение кувшинок.
Замечая судьбу, потому что сказали,
Что же.

Год, когда невозможно больше смотреть на ряску,
Пострашней лягушачьей кожи,
Соснового коробчонка.

Не тогда ли возьмёшь в свои руки
Зелёный бубен,
И поедешь, и грохотом переполошён
Город.

Так поют рыбы

Может, есть душа у ивовой ветки,
Тени пластиковой бутылки,
Я хочу уйти от той речки.

Там, казалось, поют подо льдом
Рыбы, уплывшие на зимовку.
Теплеет, скоро распустится верба,
Не то.

Нет, да всхлипнут подошвы или душа их,
Идги мешают,
Каблуками мешают воду
С тёмными травками и со льдом.

Озимых вялых стеблей нутро
Не хочет, чтобы я уходила.
Стебли оборачиваются вокруг, я
Каменею, слышу.

**Б
О
К
О
В
О
Й**

**П
Р
И
Т
О
К**

Нам, тридцатилетним, достался подарок, которого мы не заслужили. Его не было у родителей – этого права на инфантильность. И вот мы выросли, а пишем о детстве.

А что ещё – бесперечь? Семья-ли, род-ли, ли-ства, и новые ветки с мизинец длиной, корни. Близкие имена: Надежда, Ирина, Елизавета.

О чём мне рассказывала Надежда, моя бабушка, волшебница с нежным голосом и пахучей сигаретой в руке? О книгах в кожаных переплётках, спрятанных на чердаке. О своём дедушке с неизвестным до революции прошлым. О руинах загадочного поместья, землянке с клопами и свежем советском доме начальника мебельной фабрики. О своей тётке – чёрной вдове – в ахматовской шали с кистями.

Я всё ещё там, я не уезжала. И поэтому мы – дети. Камушки бросили в воду.

Развивающие упражнения
Для детей в новогоднее время.
Как прозвучат названия их
Для притихшего взрослого —

Что изменилось?
Чего не стало?

Дополни историю.
Вспомни цвет.

Найди похожих.
Сравни.

Взрослый уходит по зимней дороге,
Слышен скрип — это тени метнулись слева.
Ребёнка окликают неясно.
Кто остался в доме — неясно.

Памяти бабушки Гали

1.

Говорила, что испанский
тюль, а правда ли — как знать,
дорожила им.

Снизу пятна акварели —
мы с двоюродной сестрой
дирижируем.

Палки-кисточки, занавески,
жизнь большая, июль в довеске.

2.

Говорила, что испанский,
по незнанию, не врала,
ты была, потом ушла,
будто вымучила вдруг:
адэланте кон лос фаролес¹.

3.

Сказка долго? Скоро.
Было хорошо.
Пятнышко не стёрлось,
прошлое ушло.

Мечемся в отрезке:
но сэ и пор кэ²,
вроде занавески,
да на сквозняке.

---

1 *Adelante con los faroles* , «была не была», исп.

2 *No sé u por qué* , «не знаю» и «почему», исп.

трёхногая расшатана
потихе не тряси
на блюдец с пастушатами
селёдка иваси

фарфоровые новые
столетнего стекла
и сеяли зерно они
зачем ты умерла

ты бабушка была
с тобою были с папою
конфеты косолапые
селёдка из ведра

я наряжалась в юбки
широкие и грузные
и бабушкины бусы
вминались в позвонки

а табуретка падала
покуда не повисла
на досточке искорченной
по глупости испорченной
отломленной ногой

1.

Было — пыталась не выдать слабость и чистила тёплую утку,
Там, где яркие перья на шее, и там, где грязно.
Утку принёс мой отчим из смертного леса,
Отчим весёлым был, будто нутром пелось.

Птица склонила голову — это её смирение,
Я согласилась не плакать, не быть ребёнком.
Мягкий живот, беззащитную кожу — маме,
Перья без крови — в коробку для школьных поделок.

2.

Каждый смертный охотник желает втайне
Своей полнокровной жертвой стать и пропасть втуне.
Встречи пули и плоти всегда случайны,
Когда так жарко, как в этом году, в июне,
Каждая капля хочет выкипеть, испариться.

Всё: венценосный пар по воде, заболотная перепалка,
Вал сосновый, смола на одежде, окрик и пение —
Детали конструктора, осуществлённого превращения.
Фото ВКонтакте,
Отличница нашего курса, Таня, держит её за лапки.

Птица улыбается —
За холкой, как поцелуй, небольшое жжение.

Близкая память вытолкнула, повела.

Белая-белая скатерть, до колен почти,
Что-то ещё от праздничного стола —
Игры в ладошки, иные глупости.

Странно всё происходит, это попытка свести:
Память ладони ловкой, её пощёчины.
Мама, и ликование!
Мама, как мы его!
Тепло.

Милые люди. Распались ландыши.
Было же более полное описание?

С ленточным червяком селитёрки —
лещи обычно, порой ерши,
бить по хребту
называлось «глушить».

Если ерши, руки в царапинах,
с лентой не могут уйти на дно,
разные рыбы порочны, мы —
дети светлые.

Не смотрят на небо,
не могут на глубину,
плещут, и,
словно от лодки, след.

Ленту вынимали,
ерша варили, кормили кошек,
у костра пели: «Это
всё, что останется».

От узла, плющевых растений,
Виноградная эта сила.
Я держала, а треснули стены —
Так о радости заговорила.

Наде Юдиной, бабушке

На Николу дерутся птицы,
Даже в полёте дерутся,
Растения к старшим жмутся,
Зажмуриваются.

«Никола меня приметил», —
Протяжно курит, смеётся.
Вьюнки мы, у ног её внучки,
Игрушки у деревца.

«Но что показал, то долго», —
Сидит, ничего не знает
И смотрит: дерутся птицы,
У внучек ресницы в пуху.

Моя неземная, играя,
Взяла то, что не получалось,
И сделала деревом, куклой,
Зеленью наверху.